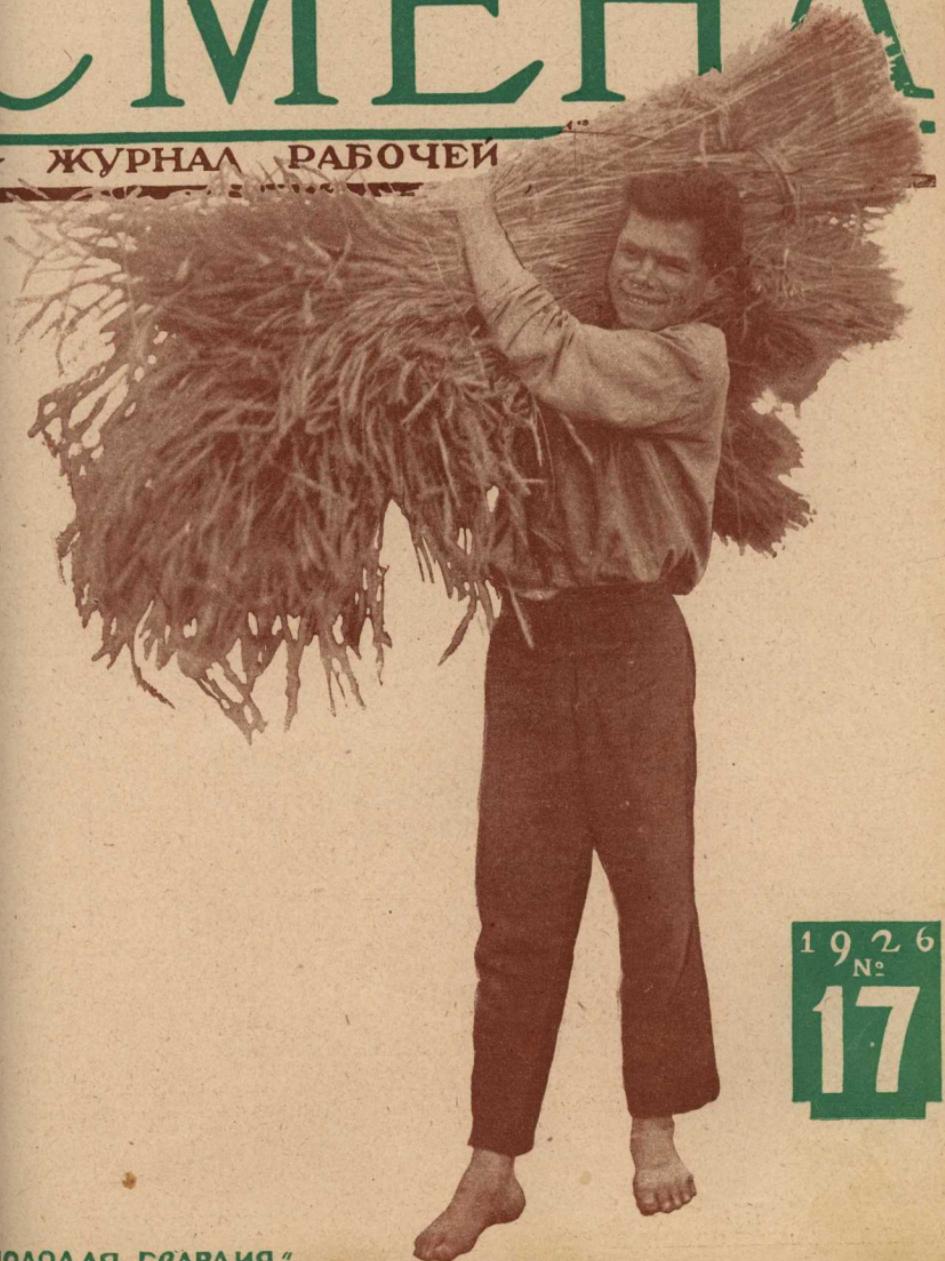

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ

1926
№
17

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/8. Тел. 1-89-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ІВУХНЕНДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ
из-во "МОЛОДАЯ Гвардия"

Продле тории всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	24 ном.	4 руб. 10 коп.
• 6 мес.— 12 •	• 20 •	• 20 •
• 3 •	• 6 •	• 10 •
• 1 •	• 1 •	• 1 •
Отдельный №		• 25 •

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Из-ва "Молодая Гвардия".

Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

№ 17

1926 г.

СЕНТЯБРЬ

ДОМА

Б. ГУБЕР

Иллюстрации В. ЕФАНОВА

— Ну, что у вас новенького? — спросил Каштанов, улыбаясь и чувствуя все то же умиление, — живите как?

— Живем, — равнодушно ответил из темноты возница, — чего с нами сделается.

— Ну, давай же нововорим, — сказала она сквозеворкой, сия глазами...

Каштанов ехал в отпуск с тем блаженным чувством беспокойства, недоверия и торопливости, какое охватывает каждого, долго, безнадежно мечтавшего о чем-либо, и вдруг неожиданно в рабо сознания, что мяч мяч его сбываются.

Ехал ему было недалеко, и нестыдил утомиться; да и не мог он устать — слишком уж полно охватывало сознание своего счастья и нетерпеливое ожидание того прекрасного, чем встретит его дом.

Мимо пыльных окон вагона в бесконечном изображении бежали поля, деревни, села. Каждое изображение — столько в них было великолепия подобострастной прелести. С наслаждением глядел он на знакомые места, уже подернутые пурпурным сумерек, и узнавал и воспоминал их. Все еще не верилось, что это всерьез. Время казалось, что отпуск и вся поездка — не настолько, что его остановят на пути и отправят обратно в Москву. И, хотя документы были в полной исправности и не могли быть решительно никаких оснований для подобной тревоги, Каштанов в такие минуты склонялся, втигивал в плечи голову и неловко срздал лопатками под гимнастёркой, как бы тяготясь и ею, и своей кудрявой шапочкой — пилоткой. Только добравшись, наконец, до своей станции, он успокоился и по-настоящему поверил, что будет сегодня дома.

Уже совсем стемнело, и на стрелках горели красные фонари. Скудно освещенный вокзалник в гулкой банде платформы — знакомые, мыльные в родные — наполнили Каштанова каким-то сладким, детским умилением. Жадно здыхая прохладный ночной воздух, наполненный чудесными, влажными запахами, он вместе с немногими пасажирами, сошедшими с этого же поезда, спустился на станционный дворик. Здесь тоже горел фонарь и в свете его листья тополей и акаций казались пепельной. Крестьяне — подводчики на переборке предлагали:

— Кому до Храброво?

— Давай довезу!

— Садись, братишка!

Каштанов пристоинился, смутно надеясь, что попадется на что-нибудь из знакомых мужиков — от этого он еще ярче почувствовал себя дома. И действительно, чей-то веселый голос окликнул из темноты:

— Мить! Да неужто он... Откуда?

Другой голос, хмурый и точно заспанный, ответил:

— А ты и не видишь... Митропил Палыч!

И в южной, колеблющейся свет фонаря виднелись — маленький, рыхкий, с хитрыми, злобно быть, вечно смеющимися глазами, и другой, тяжелобородый, в домотканом кафтане, агрессивнейший руки. Каштанову стало приятно, что его не забыли. «Помнят все-таки», — чуточку хвастливо подумал он, пожимая жесткую, как береста, ладонь и в свою очередь узнавая мужиков.

После этой встречи было уже неловко отказываться от подводы, и он, сначала собирающийся翼翼 пешком, решительно скинулся с плеч вешище мешок:

— Поехем что ли?

— Да с вазом, — явною ответил рыхкий, — вернем везу в потребованию.

Каштанов перенесся ко второму.

— Ну что ж, садись, давай, — сказал тот угрюмо:

Каштанову было немного жаль денег — он берег их и сбирали, чтобы сшить себе хромовые сапоги. Но, услыхавши в телегу, он сразу почувствовал безразличие и к деньгам и к сапогам. «А, чорт с ними», — с облегчением подумал он, обмыная под собою прикрытую рядом соломой. Лошадь шагнула к воротам. Затрепала под колесами мостовая, отошли назад стрижевые акции с пепельной листовой, и черная, непроглядная после фонари нощь надвинулась со всех сторон, как вода.

Каштанов не слышал его ответа — ему интересно было поговорить о самом главном, от чего он был оторван с прошлой злым и чумой и посыпал два года своей жизни в Храброве. Не задумываясь, смахну, он спросил:

— А спектакли-то в Храброве ставят?

И сразу же стало неловко: подумалось, что угрюмый возница обязательно должен обидеться на такой пустяковый, вздорный вопрос.

Возница не обиделся — спокойно, равнодушно, с привычкой, что-то говорил. Как же, ставят.

Только мы в этом не касаемся. Ребята, те хотят...

Но когда он умолк, было понятно, что разговаривать ему не хочется. Каштанов понял это и оторвалась, досадуя, что не удалось поехать с другим — рыхким, который любил поговорить, всегда ходил на спектакли и который по пути рассказал бы все храбровские новостр...

Впрочем, и это минутное отгорчение скоро сладилось: очен уж хороша была ночь, — любила ее и молчать было радостно. Глаза привыкли к темноте — она оказалась совсем не такой темной. Скупой свет безупречного, звездного неба был даже приятен, — он придавал окружающему особую мягкость и задумчивость. Хорошо было слушать негромкое таращение колес по покатой дороге, следить, как тутки настремчу седме в ночи хлеба... И даже неожиданная, ничем не вызванная фраза возницы: «А на твоё

место нового прислали, слыхал? Здоровый малый такой, напористый, — не нарушил спокойных и приятных мыслей, навеянных ночь.

Об этом Каштанов знал и раньше. В Москве, на курсах, мечтал и думал о своем недавний прошлом, он знал, что вместо него заменил Храбровским Народным домом, назначен из уезда политпросветчик Гусев. И то, что близкое, было бы для него делом, ставшее за два года работы своим и родным, попало в чужие руки какого-то товарища Гусева, обижало и мутило Каштанову. Но сейчас он не онутил на злобы к Гусеву, ни обиды. Инстинктивно, оберегая свои приятные мысли о доме и ожидая от поездки своей много хорошего, радостного, он даже подумал, что Гусев, должно быть, хороший парень. За две недели отпуска можно будет с ним подружиться, сообща поставить каю-куйшиб писсу... И тотчас же вспомнилась Клавдия Петровна, Клавдица, библиотекарша, Ах, как чудесно было зайти к ней в библиотеку после понедельничной уборки театра или посетить утомительных занятий по изучению истории, из которых там ничего и не вышло... Как хорошо и прохладно в ее винишках, как пахло в ней старыми книгами, kleem, Клавдинской пудрой, — казалось, что даже ее сизо-густой румянец пахнет чем-то свежим, как слива... Захл-

— Что с вами? — мягко и удивленно спросил Гусев, отрываясь от лампы...

бываясь в нахлынувших воспоминаниях, сдав уставшую переходить от одной картины к другой, улыбался Каштанов все шире, все блаженней. Тогда он был даже благодарен судьбе, которая свела его с таким малчаковым попутчиком, не мешавшим думать. И когда в окнах засияли первые зори, а изображение пальмы в окне верстры четверте, когда откуда-то с отчужденной донеслись широкие и певучие звуки гармошки, Каштанов так полно и близко почувствовал себя дома, что нельзя было ему усидеть на месте. Удерживая волнение свое, расстроенный и умиленный, он спрыгнул на землю и пошел рядом с телегой мимо уже спящих, погашенных изб.

II

НАРОДНЫЙ дом, переведенный сюда в девятнадцатом году, — барский флигель, в котором еще недавно мессяками жили гости из деревни, — остался тем же самым. Но и в самом селе, а на отдалке, за окопницей, после приходского кладбища. Чтобы попасть к нему, Каштанов пришлось пройти почти всю улицу; изба, которую он, уезжая в Москву, снял для матери, поменялась в другом конце села.

Солнце в ослепительном пожаре, скижая облака, пряталось за крымскими и улици пестрой густыми темами. Каштанов шел по ним, как по диловым коридорам, небрежно брошенным на пыль. То, что он там удачно приехал к самому спектаклю, особенно развеселило его вчера. Он нараспашку в дверь сунул и прошел в дом, никуды не подумав, что, чтобы притянуть в театр зрителя, там сразу появится всех и всех поразить своим неожиданным появлением.

Спектакль должен был начаться не скоро, — не раньше, чем стемнеет. Но и сейчас все уже в сборе: летом, чтобы не запаздывать с началом, приходится начинать гримировку засветло. Прившущая хлопоты, в которых он примет участие, Каштанов торопился — словно наверстывая томительное дневное ожидание... Вот и околика, выгон с куриц, стоянкой травой и... Одним огромным шагом одолел Каштанов ступеньки крыльца.

В сенях было пусто. Нечего подождать пока, — зашли налево в библиотеку, обычно открытую в это время, аксюратно расставленные яйца стеклянными скамьями — все хранило на себе следы последних, окончательных приготовлений. Каштанов вспомнил, как сам он либиди эти последние приготовления, когда остается только скамьи устанавливать, да притечь, глодко ли застегивается занавес, где-то в глубине сознания шевельнулось неприятное чувство. «Хорошо ему», — подумал он про Гусева, — хорошо ему чу-

жими трудами пользоваться... А вот попробовать бы он сам все это организовать и наладить...

За дверью в боковую комнаташку, при помощи служанки передней и имевшую выход на двор, слышались голоса и смех. Каштанов, ходя от волнения — вот, вот — сейчас —протянул руки к двери, но не успел, как из-за двери раздался смех. Встретили его внесенная мальчишем, повиновавшегося на один удивленный миг. Не успел он еще разглядеть толком всех, кто сидел и стоял в этой маленькой, душной комнатах с завешанными окнами и зажженными лампами, как снова послышался смех и говор, и Клавдия Петровна, Клавдию, такая же сизо-румяная, взъярилась!

— Митя!

Каштанова окружили — кто тряс ему руку, кто теребил его портупею, звякающую пряжками и все сразу говорили, и ничего нельзя было разобрать во многих одновременных голосах. Клаудия, вспыхнув, отдернула руки, чтобы перекриять всех, звала:

— Иван Тимофеич, Иван Тимофеич... Да иди ты сюда!

Со сцены спустился и метрополитен подешел к Каштанову высокий, плоский, с большими, гладко обретеными лицом и со светлыми волосами, защепанными назад. Он остановил свою безмолвный, очень спокойный взгляд на Клавдию и вопросительно промолвил:

— Да?

— Что да, — передразнила его Клавдию, — да, да... Это Каштанов, понимаете, Каштанов Митя!

— А-а, — прогнал Иван Тимофеич, и на его большом лице, покрытом яркой боязни, появилась выраженная улыбка. Он крепко поклялся Каштанову руку, сказал: «Гусев» — повернулся к столу, на котором были разложены принадлежности для гримирования, и, словно ничего особенного не случилось, обратился уже не к Каштанову, а к остальным:

— Научи, товарищи.

Группа вокруг Каштанова перегорела. Большинство отошло вперед, за Гусевым к столу, другие тоже как-то притянулись. Клавдию отвела Каштана в сторону, усадила на сундук, где хранились всякие мелочи, необходимые для реквизита, и села рядом.

— Ну, давай же поговорим, — сказала она скороговоркой, сия глазами и становясь почти хорошенькой, — я так соскучилась по тебе — ужасно.

— Давай поговорим, — улыбнулся ей Каштанов, но в голосе его неожиданно проскользнули болезненные нотки: его обидело, что все так скоро и легко отошли от него. Мгновенное чувство го-

речи вспыхнуло от сознания, что только Клавдия с ним осталась, да и та обращается с ним слишком любезно, как с гостем. Чувство это было мимолетно, но вслед за остатком все же недовольство, что болезненное чувство к ней становилось синтетичным и во всем начинавшее находить жадение тебя обидеть или задеть.

У нас столько нового, столько нового, — торопливо говорила между тем Клавдию, нагибаясь к его руке, чтобы разглядеть паркавник — вышитые золотом скрещенные пучки на черном бархатном фоне, — ты просто удивишься!

— Что же именно? — машинально спросил Каштанов, продолжая улыбаться.

— Многое! — оживленно воскликнула Клавдия, сия глазами, блеснувшими от радости: антирелигиозный, антиматериалистический, сельскохозяйственный. Потом читально сюда перенесла:

А сцена, сцена! Нет, ты пойди посмотря.

Она пытаясь в длинном платье, ухватившись за рукав пижаме бархатом с пугашками, потянула его к подмосткам. Сцена, слабо освещенная одной лампой и оттого особенно нарядную и таинственную, действительно нельзя было узнать. Раньше, что изобразить лес или сад, ее убирали живыми елочками и бересклетами. Каштанов очень любил терпкий запах воняющих в теплое листья, напоминавший тогда театр. Теперь же уже уменьшился запах, и воняющие деревья, уединенные и не затронутые прохожими, напоминали московскую курсовую сцену, которой так восхищался Каштанов. За кулисами прилонились к стене птицы — из них сооружали комнаты. И это были также не пресные, жалкие, кое-как склонченные щиты, а пастящие, крепкие, облекленные обоями... Имел Каштанов прежде все это, он чувствовал бы себя счастливейшим человеком в мире. Но сейчас...

— Как же вы это устроили? — спросил он, стараясь показать, что ему приятно увидеть так хорошо оборудованную сцену, и не зная, что это слово, словно отделение себя от Клавдию, от Народов, от всего, что до сих пор считал своим, кровным, и становится в позу, выражая всему этому.

Клавдию, довольная произведенным эффектом, лукаво трихнула головой и, не понимая напряженности Каштановых слов, ответила:

— Здорово? Это Иван Тимофеич! Он все сам... Он такой, такой. Рисует-то! Правда, ведь здоров?

— Да, — сказала Каштанов, осязая легкую напряженность к Гусеву, и недовольно, придавая своим словам какое-то ироническое значение, — ловко!

В это время из гримировальной посыпалась склонный, негромкий голос:

— Клавдия Петровна, что же вы? Вам в первом акте выходить?

— Сейчас, сейчас... покорно, немного испуганно откликнулась Клавдиинка и вдруг, будто спихнувшись, прибавила:

— Всем Иван Тимофеевич, не беспокойтесь, меня Митя заглумится, можно?

Оттого, что Клавдиинка ободрилась этим «можно», чувство приближения к Гусеву окрепло: показалось, что Клавдиинка предстает григорианской богиней любви на любовности. И хотя Каштанов потянулся отказатьсь от такого нескромного предложения и вообще дать понять, что он не гость и не нуждается в любовностях, он этого не сделал... прежде он во всей окрутке сиялся прекрасным гримором и потому был уверен в себе. «Посмотрим еще, чья возьмет»... с нехоршом вызовом подумал он, спускаясь с подмостки и тревожно надеясь, что Гусев окажется менее искусным. Однако, когда он прошел к зеркалу, у которого стояла Гусева, он не надеялся не ошибиться: смешливые щеки ее бледнели, лицо, отражавшееся в зеркале, пахло чужим, драчко-стариковским — трудно было убедить самого себя, что это Рыбинин, делопроизводитель волындоподиума, молоденчики и пожожий на девицу, Каштанов пожалел, что не отказался раньше, — предчувствие провала взяли его, а отказываться теперь было поздно: Рыбинин встал, уступая место перед зеркалом Клавдиинке, а Гусев говорил приветливо:

— Вот спасибо вам. Выручили. Мне еще в кассу нужно сходить, билеты проверить.

Каштанов ничего не ответил; волнился, склонился он над столом, перебирая карандаши и краски.

Кем же тебе раскрасить? — неловко попутна он, нескромно поплынив словами Гусеву, и только сейчас заметил, что Клавдиинка одета в чудной, длинный сарафан с белым горошком по коричневому полю.

— А Я Рыбинина жена, — скогоровкой отвечала Клавдиинка, растирая на лицо вазелин.

Каштанов принялся за работу. Без конца спиралась краска и наносилась вновь и вновь, он спряталась все-таки с фоном. Но с глазами случилось несчастье, после которого вернулись недавние предчувствия: Каштанов неудачно, слишком близко к реалистам, поднес икако веко, краска попала в глаз и налипла на него.

Ничего, право, ничего, — удалялась Клавдиинка, силясь не моргать, — сейчас пройдет...

Слезы текли по щеке ядро носа. Каштанов упирал им углом полотенца и тоскливо чувствовал, что последние остатки уверенности покинули его. По одному тому, как неестественно переливалась Клавдиинка, он видел, что ничего у него не выходит. А тут еще Гусев вернулся и удивленно прогунул: «Ах, вы еще не кончили?.. И чем сильно волновалась Каштанов, чем больше наливала в глаза, тем сильнее температура становилась, тем хуже становилось дело. Теперь он думал уже не о том, чтобы перегреть Гусева и не сравняться с ним, как бы не осрамиться окончательно.

Время шло. Уже гудели в гибле головы собравшейся публики. Гусев дважды подходил к зеркалу и беспомощно заглядывал в него. Каштанов нечаянно перехватил его взгляд и ему почудилось, что в нем сострадание... Наконец, Клавдиинка кротко сказала:

— Ну, Митя, хватит. Тешерь хорошо.

Каштанов видел, что совсем нехорошо. Но он знал, что лучшего добиться не сумсет, и делано небрежно покосил плечами:

— Ну, Клавдиинка...

Клавдиинка поглядела, стражная пурпурой своего чудногого, старческого сарафана. Каштанов, не глядя на нее, соудачено вытигнул руки. Ему было страшно посмотреть на законченный им грим и сравнить его с Гусевским.

Гусев тем временем окнуил Клавдиинку долгим взглядом.

— Ничего, сказал он, — по-моему только вот здесь нужно чуточку поправить и здесь... Как вы находитесь?

Каштанов, не поднимая глаз, молчал. Тогда Гусев взял стеку, окунул ее в краску и, смешивая краски на ладони, как на пастыре, сделал несколько гримований лицом, что такое, отчего оно сразу поменялось: узбеки были морщины, наливалась рот — и уже не Клавдиинка, а сухонькая старушка стояла перед Гусевым. Каштанов увидел это...

Несколько секунд стоял он, оцепенев и задыхаясь: «искучный стиль, отчаяние, горе — будто все, наследство погибло — и неизвестность к Гусеву, к его лицу с светлыми, засечеными назад волосами, тяжким грузом повисла в его груди. Он с усаками подумал, что сейчас, вот сию минуту, нужно сделать что-нибудь необычайное, глупое, дикое и такое, от чего бы ему стала все-таки легче. «Ударите его» — промельнуло в голове, и будто тяжелый груз, поднявшийся с земли, оттолкнул и ухнул вниз. Но он не удалился, ничего не ссыпал тушки машинистом отошел в угол — туда, где недавно сидел он, с Клавдиинкой, к сундуку. Он сел на сундук, ширмы коротко звякнули, когда он заложил ногу на ногу и невидящими глазами уставился куда-то в сторону. Сердце было нервно, музыкально отчалило, и сладко ныли ключицы, колени, копыта пальцев...

Гусев торопливо гриппировал остальных. Все громче становились голоса в фойе. Кто-то входил и выходил, кто-то распахивал дверь на задний крыльлья и громко звал на воротах наружу. Красильщик щелкал, Рыбинин разошел с ним, промышлившись с сумочкой, заправлял лампушину... Вонзилась та сумочка, что предшествует началу, когда оказывается, что забыты о самом главном и что нехватает керосину... Сказала медленно оседающая отчалия Каштанов вспомнил, как он мечтал от этой сумочки, пусть всего любимой им, как он юхдал, что привет в ней горячее, искреннее участие. И снова замерло сердце и захватило дух от горя. «Что же это такое? — удивился и горько проглатил он, — что же это, за что?». Вспомнился гимнус с угрюмым, мрачным, изогнутым впереди окошком и щеками. Бурда целяя вечность лежала между всем этим и сегодняшним. И стало ясно, что сейчас, таким он показался себе нехорошим, хорошим и несправедливо обиженным, что горло, как петель, перекинула тутие, совсем близкие слезы. Судорожно удергивая их и мгновенно разъязывая, он вскочил, порыскался куда-то итти, сделал несколько шагов к двери и увидел перед собой Клавдиинку.

— Митя, — кротко и ласково говорила она, — Митя, может быть, ты нам посулишь?

Каштанов коротко, судорожно рассмеялся и смех его походил на скоту... Когда он смешал краски, смешал трогательный вместо Клавдиинки сморщенную старушонку в сарафане. Так что легко можно было почувствовать к ней нежность... Но ведь, это Гусев сделал ее старухой.

— Нет, — медленно проговорил Каштанов, — не стану я вам суфрировать.

— Ну хорошо, не нужно, — поспешно согласилась Клавдиинка, и ее молодые глаза, сияющие в неистощимых морщинках, встретились с вызывающим, злобным взглядом Каштанова. Это должно быть, обидело ее.

СЕРДЦЕ

О сердце, сердце, что такое? —
Я не пойму тебя никак.
Хотел бы, молча, успоконить
Твое биение в руках

И разглядеть, чего ты хочешь?
Сегодня бури, а завтра следы...
В былье дни, в былье ночи
Тебя сквозь бури перенес.

И я сберег твоё здоровье,
Но в бережности моей
Сочинись дни горячей кровью,
Как молоко у матерей.

О сердце, сердце! Дерзновенъя
Ушли войной и в войну,
А я, кричавший о сраженьях,
Теперь у лирики в плену.

Но разве лирика — эзема?
Ведь песни темные редки,
А в наше время льют маэстроны,
И в нации дни ревут гунон.

Хочу, чтобы по капле в камень
Вэт эта лирика ми!
Звениций песенце — руками,
Могла работать, как я.

Я в этой жизни много зания,
Я много до якен си — улыб!
Так! слушай, сердце, приказанье
Рабочей, трезвой головы.

По капле в грудь, по капле в камень,
Чтоб даже лирика моя
Красиной песенце — руками,
Могла работать, как я и я.

Б. Скорбин

— И не нужно, — повторила она нетерпеливо. Неудержимая, сладостная и жгучая ненависть произвела Каштанову.

— Да, конечно, —тихим и сдавленным голосом произнес он, губы его задрожали, — теперь я вам не нужен. Конечно... И что я два года, два года, как раб бака... Он перенес глаза свои на Гусева, захватившего над лампой папиросу, и глубоко выкрикнул: «Ты вон тот женщины!»

Что с вами? —мгнов и удивленно спросил Гусев, отрываясь от лампы.

Сладостно представляло себе силу и наслаждение, с которыми он разбил бы это спокойное, невозмутимое лицо, Каштанов так сильно скла кулаки, что ногти воинились в кожу.

— Ничего! — с бешенством крикнул он, не желая я с вами разговаривать. К чорту!

Клавдиинка негромко вскрикнула и шагнула к нему.

Какой ты гадок, —сказала она, и голова ее обворожила — Кадык, гадык... Ты сама всегда меня зовешь ты.

Но Каштанов не слушал ее прямой, —тихущиной, отчетливо сознавший каждое свое движение, вышел из крольца, гремя широрами и звяжкой прижимами портупеи. Тягкая, густая темнота сомкнулась за ним, как вода... С другой стороны от Народному шли с гармошкой, певчей, пряткой и пеющей... «Гадик! — повторил он, — гадик! — и бегом, по выгону, мимо погоста бросился к дороге. Седые, в ночь хлеба встретили его кудахтающие мертвенные шелестом. И будто из-за спину, в котором скрутился неподвижный мороз хлеба, стремился в своем беге Каштанов. Напримы бросился он к полосам. Сухие, ломкие стебли обивали его ноги. Обессиленный, с потерянным дыханием, подчинился он их цепким обятиям — рухнув куда-то вниз и, обрадив лицо о закаменевшую, комковатую землю, заплакал слезами горячими и непереносямыми, как кипяток...

А. ГРИН

рисунки П. СТАРОНОСОВА

НЯНЬКА ГЛЕНАУ

Он подвинул табурет и сел ждать...

РУЛЕВОЙ Спринг заканчивал свою береговую отлучку в Коломахе, куда приехал из Покета по железной дороге. Там стояла его «Морская Карава» — парусное судно в семьютонн, пришедшее с Филиппинских островов.

Спринг был родом из Коломахи. Здесь он провел свои молодые годы. Теперь ему было пятьдесят лет. Как большинство моряков, он остался холостиком.

Спринг пропил или проиграл жалование за два месяца, посетил некоторых знакомых и теперь, накануне отъезда в Покет, размышлял: «зачем ему понадобилась Коломаха?»

Кабаки Коломахи ничем не уступали таким же заведениям Покета, а знакомства в Покете у него было даже больше, чем здесь.

Обратясь к честной стороне памяти, он неохотно признал, что ему хотелось повидаться с конопатчиком Дезлем Гленау, от которого он говаривал дважды получил письмо, извещавшее о рождении у Гленау девочки.

«Надо было найти, поздравить», — думал Спринг каждый день, но за множеством приглашений и угощений откладывал это дело на завтра, а «завтра» тоже было некогда.

Однажды выдалася свободная половина дня, то есть Спринг оказался трезвым слуцким; но, сообразив положение, пошел и хватил бытулку.

«Нехорошо явиться нетрезвым», — думал он, — завтра я воздержусь и непременно пойду».

Наконец, он набрался решимости и отправился к конопатчику.

Это был дом в две комнаты с кухней; все помещения вытянулись по прямой линии, так что пройти в последнюю комнату надо было через кухню и первую комнату.

Спринг зашел в кухню. Ставни были закрыты по слуху пальца зноя. Двигаясь в полутемне, едва рассеиваемой тонким лучом в щель ставни, Спринг кашлянул и сказал:

— Встречайте Спринга. Кто дома? Я хочу видеть Гленуа или его жену. Вы что, спите, что ли?

Постояв и передохнув, он прошел в первую комнату, где повторил свои возгласы с тем же успехом, как первый раз.

Ему стало неволовко и скучно. Однако, желая уединиться окончательно, Спринг прошел в последнюю комнату.

В ПОЛЕ

Люблю прожжатой борозды тропинку,
Проложенных серпом полосок ряд.
Лю лю, как детскую замину,
Простой суплонов и снопов наряд.

День то днъ узорчатый становится:
Ряды, шеренги появляются на-слеп,
Ины: и шагать уже готовятся.
Фуражки спускаются на прилес.

Есть потучнее, видом попаряще,
Построились на лучших полосах.
Головки-зонтики у них пригажднее
Ну чтоб такие в наших волосах?

Александр Кулемкин.

Здесь была такая же дневная тьма, как в остальных помещениях. Среди душной тишины тикал невидимый будильник, гудели потревоженные мухи.

Спринг подошел к смутно белевшему возвышению и с достоинством взгляделся в него, но не рассмотрел подробностей. Однако, перед ним был действительно кисейный полог детской кровати; он свисался с потолка и охватывал, как палата, маленько ложе с бортами, подвешенное между двух стоек. Кровать нервно качнулась.

«Отец и мать ушли», — подумал Спринг, — они недолго вышли, потому что ребенок здесь».

Он подвинул табурет и сел ждать. За полгода не было ничего видно, но Спринг казалось, что он различает рыхие волосы на маленькой голове.

— Ты спи, а я посижу, — сказал Спринг, опасливо косясь на таинственное сооружение. — Скориться не будем, нет, дратыся тоже.

Внезапно кровать качнулась сильнее и заходила, как под раздраженной материнской рукой. Раздался поношний звук, от которого у рулемы выступил пот.

— Спи, спи, — поспешно сказал гость, — акула далеко, в море, она не придет. Она ест тюленя. Ам, ам! вот и спала. Так что не надо кричать.

Кровать перестала быть качающейся, но при последних словах Спринга понеслась быстрыми размахами взад и вперед, и плаксивый, безутешный писк послышался из-за полога. Струсила, что младенец разбушуется и тем поставит его в замысловатое положение, так как у него не было опыта в деле обрамления разогретичных детей, Спринг протянул руку под полог и начал тихо качать девочку, говоря:

— Ты не будешь есть тюленей. Нет. А только один шоколад! Го-го! Мы уже поимем шоколаду! Вот идет большой парадок, — двадцать тысяч тонн шоколаду. И все — тебе!

Так как он не мог представить ничего ослепительнее фотлинии с шоколадом, то начал развивать эту тему, прислушиваясь к слезливым звукам, грозящим перейти в рев.

— И еще идет маленький парадок с шоколадом, — говорил Спринг, — а за ним — большая шухуна. Вот там самый лучший шоколад. Мы все с'едим. Давай нам еще! Все с'ели, больше нет. Везите нам из Бразилии, из Мексики. Шоколаду, черти такие-сякие! Да побольше! Этот нехорош — давай другого. Вот этот хороши. А акуле не дадим, пошла прочь.

Кровать сильно закачалась и из-под нее вылез Дэль Гленау, зализываясь ходом, от которого Спринг почувствовал себя так, как будто упал с табурета.

— Ну, здорово же ты меня кормил своим шоколадом! — вскричал Гленау, отрываясь ставни и хлопая затем Спринга по широким плечам. — Здорово! Слышишь, что ты в Коломахе. А я лег, видишь, поспать, залез под полог, чтоб мухи не ели. Мать ушла с Полли к соседям. Я лежу там, пищу нарочно, а ты стараешься! У меня-даже бока смолки, так я удерживался от смеха. Отчего ты же зенился? Хорошая вышла бы из тебя нянька!

...Принятые в кадровые части вместе с призывниками в терцасиях и вовсе неприятными извращаются домой: кто к хозяйству, кто для устройства личных дел перед отправкой в часть.

Теперь «судьбы» каждого уже ясна, теперь «последний денечек» уже на носу, теперь можно и погулять, попрощаться с парнями и с девчаками, с родными пожалом и с родной...

«Призывники гуляют»... «Новобранцы идут»... «Рекрутчи пришли»...

В деревнях, на избахах и в городах эти прости слова комони:

Дергах ухо востри! Не показывайся на глаза! Держись теперь!

Приход новобранцев был чем-то вроде стихийного бедствия...

Прощенческое начальство «милостиво» разрешило новобранцам «погуздить»—до поры, до времени...

И новобранцы гуляли... Отчаянно пьянились, заношоница была неотъемлемой стихией природы, как и любовь. Конечно, главные улицы города усиленно охранялись, конечно, у «казенюкого» города, конечно, казенное добро на станциях железных дорог оберегалось, но если новобранцы разгромят публичный дом, если новобранцы повыбьют стекла на окнах, если они «живков» пошупают,—это, если не пощирясь, то во всяком случае рассматривалось, как нечто вполне допустимое, даже нужное для будущего «солдата».

Когда недавно в деревне «появилась» у же, только музыка с барабанами комонольскими песнями, оторвавшаяся картина... и в городе, и в деревне...

Изнут... стройными рядами, вместе с рабочими, вместе с крестьянами, вместе с начальниками и воспитателями. Рекот красные знамена, гремит музыка, залевается гармонией, но отступая, а мания, не от гора народом, а от народном торжестве возвращая...

Пусть это имеет исключение, но это—правильно. И в каждом годом— все меньше исключений, ибо правдано впитывается в массу, растет из нее самой.

Вот почитание в военно-красной газете Моск. Всес. Округа «Красный воин на селе» письмо призыва 1904 г. рожд. тов. М. Пророкова из дер. М.-Есипово Заряжск. Ряз. губ., и вы помите не только разницу между царскими солдатами и красноармейцем, но и между царскими рекрутами и красными призыващиками.

Дорогие товарищи! мы краи, пишет т. Пророков,—не далеко то время, когда вы приедете на селе на деревню действительного уго грачина, сознательных товарищами. Великая революционная школа Красной армии выковывает силы стойких молодых борцов, готовых каждую минуту быть храбрыми защитниками Советского Союза от нападения врагов.

Теперь, уже никто не посмеет

В КРАСНОЙ АРМИИ—Уже с первого дня призыва Красная армия начинает свою воспитательную работу с тем, чтобы через два года дать Республике хорошего бойца и сознательного строителя новой жизни.

справить царскую армию с армией Красной: Мы видим, как отпускники-красноармейцы приходят со службой новым человеком, неизнанаемым деревни. Может быть, пошел он в Красную армию драконом, необщественным и, возможно, даже злодейским, мало что понимал, а вот вернется, у нас не местности и знаю много таких быхных красноармейцев, и его не отягчает от общестенной работы.

Теперь не всякий может попасть в Красную армию, и многие думают: а вдруг не получится, забракуют врачи или выйдет дальний жребий, зачислился в терцасы или другие необыкновенные части, и приходится всячески поддерживать свое здоровье, чтобы пришли в Красную армию.

Торжественное действие проиходит блеском, по этому побеждено каждому призывающему из нас сознательно подготовиться к этому дню...

Мы видим: «Я знаю»—вот в чём сила. Не газета разлагала, а газета помогла только рассказывать товарищам красноармейцам про души именного призыващика, про то, как его разлагировали сама жизнь, свой опыт, опыт своей «местности»...

Есть ли неверующие, «невидящие» и «не знающие»?

Почтите в той же газете письмо края-3. Роты 1 краев. полка Фролова, письмо, озаглавленное: «Здравствуйте, Фроловым». «Что дала мне Красная армия?»—и вы поймете, что и на сей раз «исключение только подкрепляет правило»...

«Когда я находился дома»,—пишет кра-т. Фролов,—«у себя в глухом деревне я только знал работу и больше ничего. Воскресенье мне служило не днем отдыха, а днем убоя. Благодаря своей некультурности, я пил самогон, после чего только учился и умел другому».

По прибытии в Красную армию, после первых трех дней было все удивительно. Пробыв в казарме 3—4 месяца, я узнал суть Красной армии.

Мне стало видно, что я был отсталый, негодный

человек, что я был груб, невежлив, не благороден, груб, злой и т. д. Я не читал книг и газет и даже не имел об них понятия. А в Красной армии я узнал, как и когда люди начали борьбу против ватникаров, которые соединили кровь труящихся.

Когда я был дома, я не мог ответить на самый простой вопрос: «Кто высшая власть в нашей деревне?», а теперь я знаю и происхождение верховной власти. Красная армия мне открыла глаза, я узнал многое и далеко ушел от моих товарищей, оставшихся дома...

Красноармеец 1902 г. рождения. Вногород. Вногород с. я уезжаю домой, а поэтому призываю к армии 1903 г. и призываю к учебе как воинской, серьезностью и старины...

Можно бы привести десятки таких писем из разных деревень и городских газет.

Через розовые очки не следует смотреть только на плохое, но и на хорошее. Смотреть через розовые очки на Красную армию, это значит забыть о том, что в Красной армии есть суровая дисциплина, каравауды, походы, требовательные начальники и упорная работа, и помнить только о том, что в Красной армии командиры—воспитатели, школы, лекции, грамота и политическая учеба.

Я пришел в Красную армию учиться, а меня заставили вспоминать, убрать! Я хорошо вспомнил, что успевал, а меня за чистый винтажку на гауптвахту посыпают! Разве это справедливо?

— Справедливо! А то что же?—крикнула сразу несколько голосов.

Умышленно ли затронута политику эту тему на «первом политзасе» еще по пути в казарму или это явилось своеобразным ответом на вопросы призывающих? Трудности службы в Красной армии, но отрицательные стороны показали, что не с «розовыми очками» идут они в Красную армию, а на рабочую и учебу, на военную службу со всеми ее трудностями и тяготами...

Либерализм. Сегодня его проводят опытный политрук, завтра десятки комсомольцев придут ему на помощь, воспитывая, цементируя, укрепляя свою часть...

Сколько в Красной армии комсомольцев?

— 10 тысяч на 562 тысячи человек личного состава кадровой Красной армии.

— Сколько комсомольцев призываются иначе осенью с 1904 годом?—50.000.

Пятьдесят тысяч «комсомольских рекрут» пройдут вместе со всеми призыващиками путь от широкой деревенской улицы до широкого

СПРАВА: МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР—Врачи тщательно осматривают призываляемый молодняк.

В Красную армию нужны только абсолютно здоровые бойцы.

ВНИЗУ: ЗАЧИСЛЯЮТ В РОТУ—это последний этап призыва. Призывник стал уже красноармейцем.

полотнища на фронте квазары, где крупными буквами краи вышли:

«Добро пожаловать, товарищи новобранцы! Чы гармошки заливчате пели: комсомольца организатора или деревенского парня весельчака, который уже в вагоне сочинял частушку:

Идет поп народ молить,
А народ не молится...
В Красной армии служить—
Значит комсомолиться!..

ЗАНЯТИЯ МИСТЕРА СУМНЕРА

М. ЛЕВИДОВ

Снимки «Wide World Photo»

ВЕЧЕРНЕЕ ЗРЕЛИЩЕ МИСТЕРА СУМНЕРА: В Америке серьезный театр не пользуется успехом, его вводят заменяют мюзик-холлы, главные номера которых состоят из показываний полуобнаженных хористок и танцовщиц. — «Усталый человек должен разлечься», — говорит м-р Сумнер, посещая их.

В ОДНОЙ из тихих боковых улиц Нью-Йорка, в районе, где склоняется к насыщенному сном и спиртосу средний буржуазии, живет одна особнячка, окружена садом,—есть один особнячек, изучение которого весьма полезно для того, чтобы понять некоторые стороны духовного быта современной Америки.

Вернее, не особнячек нужен изучать, а хозяин особнячка, которого зовут Джон С. Сумнер.

Если взглянуть со стороны, ничего интересного нет в занятиях м-ра Сумнера. Он сидит в кабинете во врачающемся кресле и читает. Читает книги, брошюры, газеты. Рассматривает картины, фотографии. Курит трубку. Равно дважды недельно принимает посетителей... Как будто ничего особенного нет в занятиях мистера Сумнера.

И, однако, кабинет мистера Сумнера—это зеркало одной из сторон современного буржуазной культуры.

Часто мы читаем в учебниках политграмоты о лицемерии буржуазной культуры. Это несомненный факт. Но знаем ли мы, как и в чем проявляется это лицемерие?

Одна из наиболее ярких его сторон—это вопросы религии. Мы еще помним, как во время империалистической войны в церквях всех воюющих стран происходили проповеди о том, что флаг героя—это святыня, что флаг Англии, Английской—австралийской, австро-венгерской—во имя исполнения «воли божьей». Мы знаем, как эксплуатировалась религиозное чувство одурманных религии в ими достигнутые весьма земных целей.

Но еще более разительно проявляется лицемерие буржуазного общества в его отношении к проблемам нравственности и морали, к проблемам пола.

И особенно далеко ушли в этом смысле страны англо-саксонской культуры—Англия и Америка. Тут ханжество и лицемерие достигли таких степеней, что приходится удивляться, какого только издевательства не выносит человеческая порода в условиях буржуазного строя!

Аристократический район Лондона, знаменитая площадь Пикадилли, улицы Майфера кишат призывающими развлечениями, громко раздающимися в ночи, эти призывающие полуобнаженными «хлубами». Полиния сквозь пальцы смотрит на эти ночные клубы, ибо доступ в них обеспечен лишь тем, кто обладает очень тутой шиной. А богатый человек, с точки зрения буржуазной морали, не подлежит действию законов о нравственности. Ибо богатый человек, само собой разумеется, —порядочный человек, а порядочному человеку можно разрешить и погрешить против нравственности.

«Но вот, неподалеку от Пикадилли, от района ночных клубов, расположено громадный стел, средней руки гостиница для приезжающих. Зато отеле остановилась ваша знакомая. Вы хотите известить ее, подняться в ее комнаты, — Что вы? Это преступление! Этого нельзя!»

Существует в Англии неописанный закон, согласно которому женщины, живущие в отеле, и имеющие право на свое занятие в том отеле, где они живут, спят, словом, где находятся пестре. Это считается «беззрвственным». В крайнем случае она может его принять, но при том непременным условием, чтобы дверь из ее комнаты в коридор оставалась открытой во все время визита. Так заботится государство о морали своих граждан.

Шикарные улицы Лондона полны по ночам проститутками. Они же заполняют центральное лондонское кафе, гордо именуемое «Королевское кафе». Это признанная, официальная биржа проституток. Там же, где здесь собирается товар по вкусу. Но обратите внимание на странного факта: сядя за стол в одиночку проститутки не курят; но как только подходят к одной из них мужчина, она вынимает сигарету и с наслаждением затягивается дымом,—это не случайно. Постмотрите на плакат на стене, и вы прочтете: люди, находящиеся в кафе без сопровождения джентльменов, должны воздержаться от курения... И ничего удивительного здесь нет... Помилуйте,—леди, одна, в публичном месте—курить... Это недопустимо, это беззрвственное!

Но еще более свирепа и агрессивна общественная мораль, еще более строги «законы нравственности» в Соед. Штатах. Нынешняя наша молодежь не помнит, например, о потрясающем факте, случившемся с Максимом Горьким. В 1908 г. Горький, бывший уже тогда знаменитым во всем цивилизованном мире, приехал

в Нью-Йорк. Но он должен был спешно покинуть столицу Соед. Штатов, ибо он был там со своей женой, с которой, как узнали американские газеты, он не был повенчан в церкви. А так как в России гражданского брака не существовало, значит, он состоял со своей женой в «некомом сожительстве». А это не могло быть терпимо с точки зрения строгой американской морали.

Дальше, как будто, некуда! Нет, есть куда.

Вот тут же Америка показывает, что тоже было предвидено судебные представления против издателя английского periodika Льюиса Томаса Воскресенне. Издатель был обвинен в распространении «порнографической» литературы... Впрочем, здесь мы уж подошли к явно поспешившим занятиям нашего приятеля мистера Сумнера.

В Нью-Йорке существует «Общество борьбы с порноком». Это очень важное и влиятельное общество. Членами его состоят банкиры, промышленники, юристы, политики, вообще прородичники, узлающиеся солидным членским взносом.

Что делает это общество? Борется с проституцией, с торговлей живым товаром, с аристократическими притонами, где культивируются такие виды порока?

Нет, это было бы совсем удобно, это и тронуло бы чьи-то влиятельные интересы.

Это общество борется, главным образом с порнографией всякого рода.

Его секретарь, мистер Сумнер—прочел толпы читавший реалистический роман. Автор же жалея красок, рисует ведь Нью-Йорка и изображает ему в виде пустыни, здесь забываешь о жизни. Но Сумнер говорит, что Сумнер знает, что и газета рождается—из притона... Он медленно делает заявление суду в привлечении издателя романа и ответственности. Он выходит, таким образом, роль общественного истителя нравственности.

Но понятие порнографии растяжимо. Тело и оно! Мистер Сумнер, безусловно, показал порнографическую главу в романе, изображавшую, как миллионер покупает тело рабыни или роман, подиционирующий лозунгом борьбы против половой тирании мелкобуржуазной среды, или просто роман, где откровение обсуждается словом вопрос. Не подлежит сомнению, что Сумнер показал бы порнографическим некоторыми главами из гладиаторского «Легенды любви» или из «Макбета». С «Макбетом» Н. Г. Чехов не мог не говорить — о беззрвственности романов, о нимо внимания м-ра Сумнера прошел за эти годы ни один сколько-нибудь выдающийся американский социальный роман. Почему м-р Сумнер различает: он более или менее христиански относится к подлинно порнографической книге, если она напечатана в дорогое издании, с красочными иллюстрациями, в ограниченном количестве экземпляров; — почему и позабываетъ богатому человеку за свою деньги

Но вот недавно Сумнер подал в суд на школу, выступившую в дешевом издании «Дед мороза» Боккаччо—это мировое, классическое произведение. Точно так же протестует Сумнер против дешевых изданий рассказов Мопасана.

Так осуществляют Сумнер от имени несколих сотен «порядочных граждан» предварительную цензуру в стране, которая, как известно, наслаждается «полной свободой печати».

О Н ВЕСЕЛЬЧАК—мистер Джон Сумнер, американской совести, как его величали, национальное, честное, чувство юмора. В свое время и он во прых почитал сиагогальной коллегией порнографической литературы и показать притягательные порнографические картишки...

Хозяева автомобилей приносят свои картишки на предварительный просмотр Сумнеру. Он знает, что во врачающемся кресле, он будет картишки читать ли не через лупу...

— Измените позу, пожалуйста; мне не нравится «положение этой ноги»,—изрекает он. Не шутите с Сумнером, — он охраняет моря за приличное годовое вознаграждение...

В ЗАЩИТУ ПРАВДЫ И МОРАЛА: М-ры Сумнер организовались в союз всех здравомыслящих, спортивных, американцев, и получила организация название под именем «Ку-Клукс-Клан». В том, что она называется под «защитой правды», наши читатели, конечно, знают.

СОН

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

СЧАСТЛИВ кто спит, кому в осень ненастную грезится ласки весны...

А так ли это на самом деле? Является ли сон действительно «счастьем» или, наоборот, — это несчастье нашей жизни? Можно ли прожить без сна?

Ведь мы тратим на сон без малого треть нашей жизни. Треть жизни это не шутка, не пустяки. Истратить 20—25 лет на... сны. Если бы не спать совсем...

Мы все спим каждые сутки, но мало кто из нас знает — почему мы «хотим спать», что заставляет нас заснуть. «Хочется спать», «пора уже спать», «уже поздно», «я очень устал сегодня» — вот обычные ответы и объяснения.

Мы спим обычно ночью. Может быть здесь причина — в солнце? Темно, ничего не видно, значит — спать. Нет. На далеком севере летом нет ночи, солнце круглые сутки стоит на небе, и люди все же спят. Да и какое значение в наше время — времена электричества — может иметь солнце, как освещение. Человек — животное с дневным образом жизни, поэтому он спит ночью. Еж ведет ночной образ жизни — он спит днем.

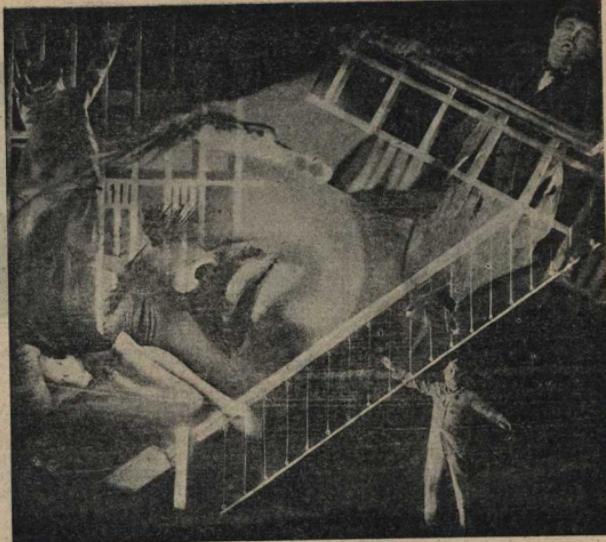
Сон — непреодолимая потребность организма. Если вполне лишить здорового человека

спать — он умирает. Собака, которой не дают спать, живет не больше 20 суток. Мы знаем, как истощает бессонница, знаем, что страдающий бессонницей человек нередко согласен на все... только бы заснуть на несколько часов.

В нашем организме происходит что-то такое, результатом чего является сон. И сон — неизбежен. Мы не умеем, не можем пока что изменить жизнь нашего организма (настолько, чтобы избежать сна), а сон — результат этой жизнедеятельности.

Что явления сна связаны с какими-то процессами, протекающими в нашем мозгу, сразу бросается в глаза. Это не нуждается в особых пояснениях. «Мозг устал» — иногда говорим мы. «Утром голова яснее, лучше работает».

Вам знакомо, конечно, чувство физической усталости. Чем вызывается это чувство? Оказывается, что в работающей мышце образуется особое вещество, как бы «яд усталости» (так называемый «гипнотоксин»); вот этот-то «яд усталости», скопляясь в мышце, парализует ее деятельность, вызывает то, что мы определяем словом «устал». Во время отдыха мышцы, кепотки постепенно вымывается и уносится из нее кровью, а в крови понемногу расходится, нейтрализуется. Мышица отдохает.

НОШМАР — Кадр из немецкой научной фильмы «Тайна одной буши», обясняющей теорию Фрейда о подсознательном.

СХЕМА РАБОТЫ МОЗГА ВО СНЕ — Рис. I предполагает состояние мозга крепко заснувшего человека. Черным цветом обозначены отбели мозга, заторможение его деятельности. По рисунку мы видим, что при один отбели не работает и нет никакой связи с внешним миром. Рис. 2 соответствует состоянию мозга с небольшим заторможением коры мозга, оставшимся безработившим. Там, например, будущий мозг, испытавший утомление, следит за ним. Рисунки 3 и 4 изображают состояние коры мозга человека, находящегося под влиянием и сильно раздраженного зрительного характера; все заторможено, все спит, кроме действующей в данный момент определенной группы клеток. Таков, например, мозг под влиянием захватывающей кино-фильмы.

реже короткий промежуток времени животное обнаруживает все признаки сильной усталости, хотя оно и не бежало, вообще не работало напряженно своими мышцами. В работающей мышце все время образуется кепотки и все время вымывается из нее кровью. Если его образование идет быстрее, чем вымывание кровью — мышца не устает. Отсюда — выгода ритмичности работы мышцы, правильное чередование коротких периодов работы и покоя (вспомните наши сердце или мышцы грудной клетки — они работают, не уставая, всю нашу жизнь, и их работа строго ритмична). Итак, в работающей мышце образуется особое вещество, отравляющее сна мышцу и вызывающее чувство устан-

ности, ведущее в конечном счете к прекращению работы данной мышцы.

Наш мозг работает, в нем тоже происходят во время этой работы сложные химические процессы, распадаются и вновь образуются самые разнообразные химические вещества. Образуются яды. Как в работающей мышце, так и в работающем мозгу образуется «яд усталости», здесь он называется «гипнотоксином» (или «сонным ядом»). Когда в мозгу этого яда накапливается достаточное количество — клетки мозга, отравленные им, страдают, работают их постепенно уменьшается и качественно — количественно. Если ни что теперь не будет особенно сильно раздражать клетки мозга — работают их попиняется еще более: мы заснем. Во время сна гипнотоксин постепенно вымывается из клеток мозга кровью, нейтрализуется, отравление мозга прекращается.

Гипнотоксин — очень сильный яд. Если накопление его в мозгу будет чрезмерно, разрушение клеток мозга заходит далеко, организм страдает и может умереть. При бессоннице мы и встречаемся как раз с этим явлением: раздраженные чем-либо клетки мозга продолжают работу, несмотря на значительное накопление в них гипнотоксина. Они работают, так сказать, через силу. Отсюда и источник организма и ряд расстройств в мозговой деятельности. Нечто сходное имеем мы и у человека, не спящего несколько суток вследствие сильного нервного возбуждения. Но как только в клетках мозга такого человека гипнотоксин скопится в таком количестве, что возбужденность клетки не сможет парализовать действие яда — человек засыпает. Засыпает, где и как попало. Вспомните людей спящих на фронте около пушки — пушка стреляет буквально над их головой, а они спят.

Открыты гипнотоксины сравнительно недавно, французскими учеными Лежандром и Пьероном. Они на ряде блестящих опытов показали, что такой яд действительно существует, что именно накоплением его в мозгу вызывается состояние сна. Опять собака—ведь, собака это истинная мученица науки—одной не дают много дней спать и берут потою у нее или спинно-мозговую жидкость, или сыворотку крови, или готовят эмульсию из ее мозга; эта жидкость впрыскивается в мозг другой, хорошо высажившейся собаке; последняя вскоре засыпает. В чистом виде гипнотоксин еще не получили химический состав его неизвестен.

Итак, в результате дневной работы нашего мозга в клетках его образуется особый яд (гипнотоксин). Яд этот, отравляя многие клетки мозга, понижает мозговую деятельность и вызывает, в результате этого, у нас состояние сна. Этот сон—результат самоотравления, пока что неизбежен.

Но, возражаете вы, мы спим, ведь, часто и просто так, от нечего делать, из-за плохой погоды, спим по скучной лекции, иногда начинаем дремать в трамвае или железнодорожном вагоне—да мало ли где и когда мы спим и дремлем в «не-положенное время». Что же—здесь тоже действует этот яд?

Нет. Все дело в том, что в нашей жизни тесно переплетены, перемешаны, два вида сна: сон биологический (результат самоотравления) и сон волевой. В первом случае мы спим потому, что этого требует организм, во втором—добровольно, по своему желанию. Мозг для своей работы требует наличия достаточно сильных внешних или внутренних раздражений. Если то или другое слабо, или внешне раздражение очень монотонно и однообразно (толчки и покачивание вагона, монотонный голос лектора и т. д.)—раздражимость мозговых клеток понижается. Наступает дремота.

Вспомните новорожденного ребенка—он спит до 20 часов в сутки. Почему? Он плохо видит и еще хуже слышит, он мягко и тепло уложен; внешне никаких раздражений почти нет. А внутренние? Если ребенок здоров, если у него ничего не болит, то какие же еще у него могут быть внутренние раздражения. Ничто не раздражает мозг такого ребенка—он спит.

Но правда ли создается впечатление, что наш мозг—лентяй, что только под влиянием раздражений он работает, а оставь его в покое, убери этот «кнут» и он заснет?

Физиолог Клакард прямо так и говорит, что мы засыпаем всякий раз, как у нашего внимания «пропадает интерес».

Что в нашей жизни переплетены два вида сна, видно уже из того, что мы «запускаем» просыпаться в определенный час, как бы поздно мы не легли накануне, что мы, наоборот, привыкаем засыпать в известный час, независимо от того, когда мы встали. Ведь длянейтрализации определенного количества гипнотоксина требуется определенное же количество времени, для накопления его в мозгу—то же. Казалось бы, что в среднем длина

ХАРАКТЕРНАЯ ПОЗА человека, находящегося в гипнотическом сне и отыскивающего спрятанный предмет по приказанию гипнотизера.

состояний бодрствования и сна у людей должна быть почти одинакова, а этого нет: один спит 6 часов в сутки, другой—8, а третий 10, да и 12 не прочь. Эта пестрота в цифрах, эта неравномерность времени, затрачиваемого на сон даже одним человеком—показывает, что мы спим не только из-за самоотравления, но и просто «по привычке», потому что это нам приятно.

И если мы на сон вообще тратим $\frac{1}{3}$ жизни, то значит $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{3}$ мы тратим уже совсем «зря»: ведь сон волевой—не потребность организма, а прихоть.

Гипнотоксин отравляет клетки нашего мозга, понижает их работоспособность.

Но, ведь, мы видим «сны». Значит не все

клетки мозга спят, часть, притом большая, продолжает свою работу.

Действительно, период глубокого сна быстро сменяется сном менее глубоким. Часть клеток,

успешно освободившись от сонного яда, вступает в работу, появляются «сновидения».

Но одинаковая ли работа мозга во сне и наяву? Все мы видели сны и все знаем, что сон и явь—вещи разные. Во сне возможно все невозможное на яву, во сне

отсутствует время, логика, передко просто здравый смысл. Почему? Что мы мало

связаны с прошлостью во времени

будет понято, если мы припомним любознательность наших снов. Чем особенно богаты сны? Действием, движением. Точно в кинематографе—одно движение. Во «сне» мы не думаем, не читаем. Вот откуда быстрота, с которой текут события во сне.

Хлопнули дверь, я проснулся, но за этот короткий промежуток времени (меньше минуты) я успел увидеть целый сон—война, выстрелы и т. д. (результат внешнего раздражения—громкого стука).

Нелогичность, передко прямо вздорность снов—прямой результат неполной работы мозга. Ведь именно клетки высшего сознания особенно много работают днем, в них всегда больше скопится сонного яда, они не работают в состоянии сна, а начнут работать—мы проснемся.

Что вызывает тему сновидений? Этот вопрос разрабатывался и разрабатывается особенно старательно. Можно пока утверждать одно: на тему сна влияют как внешние, так и внутренние раздражения мозга. Много опытов было проделано над спящими людьми. Человек спит, ему подносят к глазам зажженную спичку—он видит сон: пожар, позванивают над ухом

ложками—сон: колокольный звон, набат; капают на лицо водой—сон: дождь или жарко, лодка поглощает. Сами знаете—тогда снятся «страшные» сны, когда мы лежим на спине (трудно дышать). Работа дня нередко отражается в сновидении: известен ряд случаев, когда математики решали во сне задачи, нерешенные днем, сами мы часто во сне как бы продолжение текущего дня. Но часто во сне все это переворачивается «наоборот»: мне очень хочется держать экзамен—сон: я провалился. Я болен—сон: здоров. У меня умер отец—сон: он жив. Почему так? Клетки мозга, особенно сильно раздраженные в течение дня, отравляются сильнее, дальше будут «отыхаться» обицей, так сказать, тон работы продолжается и во сне, но взамен утомленных клеток вступили их «антагонисты»—сновидение оказалось «наоборот». Известно, что убийца в первые ночи не видит во сне убитых им людей—соответствующие клетки так раздражены и отравлены, что не работают. Зато позднее они упорно работают в определенном направлении, и убийца начинает чуть не каждую ночь видеть во сне свои жертвы.

Сновидениям недредко приписывают пророческое значение, гадают по ним о будущем. Само собой понятно, что здесь мы имеем дело с грубым суеверием и толкованием.

Оригинальное толкование сновидений дал проф. Фрейд и его ученики. По их мнению, в сновидениях взрослого человека мы имеем прежде всего отражение нашей детской жизни, а затем—половой жизни. Чуть ли не любой сон Фрейд истолковывает, как «половой». В таких сновидениях половые органы, вообще все, что связано с половой жизнью, не выступают явно, нет—все это замаскировано, заменено символами. Число символов огромно. И, если следовать Фрейду и толковать наши сновидения его методом—любой из нас окажется половым психопатом. Учение о сновидениях Фрейда было разработано на особом материале больных историй. Там, конечно, все, что говорит Фрейд, может иметь и имеет место. Но переносить выводы, полученные от наблюдений над серьезно нервно-бронхиальными людьми, на здоровых нельзя. И в этом основная ошибка учения Фрейда.

Итак, сновидение есть работа клеток мозга, но работа неординарная, частота клеток участия в ней не принимается. Сновидение—все равно, что рояль, у которого перерезана часть струн. Вы играете знакомую вам вещь, но не все струны звучат. Получится что-то «обособленное», и вы сами не узнаете той вещи, что играли много раз.

Ежедневно наш мозг отравляется; пусть во время сна отравление лишивается, но, ведь, оно было. Как избавиться от этого самотравления? Единственный способ—научитьсянейтраллизации гипнотоксина. Добьемся ли мы этого когда-нибудь? Будем надеяться. И тогда человек, не знающий сна, сможет по праву сказать: я победил тебя, природа.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ О ЛЮБВИ

Б. ЛУНИН

Успех П. Романова

ПАНТЕЛЕЙМОН Романов блистательно завоевал себе широкую известность. Этот успех ему обесценил главным образом, его заинтригованные рассказы, написанные в манере и с духом писателей-литераторов. В них он занялся темой юмористики, которую есть над чем скептически посмотреть в окружающей его современности. Правда, юмор его часто как-то сторонен, иногда он просто — умешка, потому что у Романова недостает социальных данных для реальной критики, обличения, как бы ему, может быть, и не претили отдельные стороны нашего уклада. Однако, П. Романов наблюдал, он умеет выделить из них правдивые штрихи и даже юмористические. Это устраивает читателя любопытством следить за его попытками пропагандировать. Реализм описаний, четкий художественный язык и тонкий слух языка прекрасно передают живой речь, выделяют отличают Романова среди многих других беллетристов. От некоторых критиков он получил даже хвалебные отзывы, как писатель, сохранивший в себе чистоту классического стиля русской прозы.

И действительно, Романов очень много взял из старой литературы, его талант оказался исключительно восприимчив к спокойному, ясному повествованию в стиле лучших дворянских шуток.

Несомненно, здесь оказывается социальное — одни усвоенные этого не обясняют.

Бытовая злободневность и «Вопросы пола»

КАК ПИСАТЕЛЬ, много уделяющий внимания быту, П. Романов должен быть не только современен, но и злободневен. Это он и старается делать. Но крайней мере, он, кажется, злободневен. Впрочем, он собирает в погоне за тем, что в Москве — аудиторию, и без успеха — читал там свои вещи. Большое внимание придается к себе, последний цикл рассказов П. Романова о любви.

Почти все они уже собраны в У томике его сочинений, так и озаглавленном «Вопросы пола»; статьевые пока что появились в журналах («Право на любовь» — в «Нов. Мире», «Без черемухи» — «Молодая Гвардия»).

Темы, поднятые в этом цикле рассказов, срочно и остро поставленные, быстро проникли читателю, естественно забудоражили его, особенно молодежь, вызвали многочисленные споры. И действительно, занимательность, правдивость многих подробностей, наблюдательность автора — все это захватывало читателя, заставляло задуматься и обязательно соглашаться или протестовать.

Новые темы потребовали от П. Романова изобрести приемы, взять несколько иной тон: откаться от юмора (хотя все же часто читатель остается в недоумении и не может решить, серьезно или смущенно) беседует с ним писатель), честные больше признания, тщательнее изображаясь, психологии и пр.

В центре этих рассказов стоит женщина, женщина, на перекрестье стена-стенографии писатель, ее лица чаще говорят он, выступают их повенчаны в делах любви. И по форме многие из рассказов даны как откровенные письма женщин. Очевидно, женщины автор считает страдающими единицами в той революции быта, которая наиболее остро проходит в недрах любви, фрака и семьи. Женщины выступают лишь в качестве действующей силы, она — причина разыгрывающихся историй, если психология уже, очевидней, он просто активен, не считаясь с изображением ее пары.

Романов о расторгнутой и солидарной среде, в которой становится писатель. Романов пишет о «вопросах пола» — дес яст очень в стой-ай! серию рассказов. То это взрослые, женственные и замужние, пылкие и такие называемые скучные — врачи, инженеры, адвокаты и др., то это признания женщин, еще, кажется, помедлили (следовательно, по времени — до революции), то переживания простой деревенской женщины, которой «обозвалась» второй женой, оторванный в город на общественную работу. .

Различия социальная среда; различия положения и моменты в этих рассказах. П. Романов как бы множеством примеров демонстрирует всю неустойчивость привычных форм любви и сожительства, будь то любящая, сожижающаяся супружеская пара, будь то новые, еще неясные отношения и нарушают спокойствие моральные представления.

П. Романов пристально взглядывает в чистые заметные трещины, широкота, возникающие в отношениях, и не успокаивается, пока не нащупает загнанной сердцевиной. Он как бы последовательно спрашивает: нет ли фальшив в длительной, заксерированной связи? И можно ли возможно ли воспроизведение прекрасного? Или после изменения одного из супружей? Для релько ли влияние идеалистической линии первой любви, не миграли ли они?

Но это все нередко разрешается автором премущественно к незначительным социальным пропискам и частью относится уже к прошлому. Наша задача разобраться в таких вопросах: сумеют ли договориться и поделить между собой жену одного из них доктор и инженер? следует ли артистке питать нежную привязанность к давно когда-то любивому ею князю, который теперь иниц и беспомощен? Не к лицу нам погружаться в тоинкости «мига», который переживает женщина, случайно встретившаяся с офицером за час до его отъезда на фронт, и пр.

Но П. Романов не обмолвил читателем тех же «вопросов пола» в среде современной молодежи. И на эту тему нам не мешает побеседовать.

Любовные истории современной молодежи

ИНТЕРЕСНО проследить, на чем остановились внимание писателя в этом случае, что бросилось ему в глаза, когда он решился встретиться с молодежью. Ведь здесь то же «вопросы пола» поставлены наиболее круто, ведь здесь то основной фронт новых отношений, побег, порождение, искания.

Вот те основные положения, которые послужили П. Романову костяком для этой группы рассказов — любовных историях современной молодежи.

«Студентка едет на кануну. Девушка переживает возбужденное весеннее состояние. В вагоне ее преследует интригующий взгляд незнакомого мужчины (оц.—инженер). Знакомство, разговоры, подчеркивавшие «необыкновенность» встречи, неспособность обновиться и пр. Женщина ведет точную игру — настукивает, отстукивает, — он ловок, подстигивающим желаниям. Девушка не смогла вываться, и неожиданно крепко поцеловал в губы». Через несколько минут девушка тоскует. «Но неужели, неужели она его больше не встретит?.. и «о милом студентке, советует ей бросить «мармеладное целомудрие» и проч.

Она с паникой переживает присутствие этого назойливого человека, — вот течет ее мысли: «нагло-такси-верх», «наглое, сильное холода». Но студентка, сильными мускулами и руками взял ее за голову так, чтобы она не смогла вываться, и неожиданно крепко поцеловал в губы». Через несколько минут девушка тоскует. «Но неужели, неужели она его больше не встретит?.. и «о милом студентке, она не вспомнила больше никакого».

«Снова поезд. На этот раз девушка едет с кануну, и фигурирует двое мужчин: «студентка» — «славный, простой товарищ, с которым она недавно познакомилась, и неизвестный в военной форме — просто сосед по купе. Первый весел, товарищески заботлив, он не приносит своей подруге никаких «хлопот» и «романтических приспособлений». Второй преследует ее «специфически мужским взглядом, который оскорблял ее».

Он становится ненавистен ей: «ей противна такая порода мужчин, — говорит она, — искрить, как нечистоты животного, и тем больше у нее братской ненависти к «молодому юноше-студентику».

Но юноша вскоре слез на какой-то из станций. Она — наедине с «волнами». Тот открыл окно и прям: привлекла ее положение на верхнюю полку, называет ее «седой барышней», сознается в своей «юношности», «студентке» для него-трика, советует ей бросить «мармеладное целомудрие» и проч.

Она с паникой переживает присутствие этого назойливого человека, — вот течет ее мысли: «нагло-такси-верх», «наглое, сильное холода». Но студентка, сильными мускулами и руками взял ее за голову так, чтобы она не смогла вываться, и неожиданно крепко поцеловал в губы». Через несколько минут девушка тоскует. «Но неужели, неужели она его больше не встретит?.. и «о милом студентке, она не вспомнила больше никакого».

Что это такое? Девушка сопротивляется существу этого человека, она сознавала грубость и бесперемонность его желания, она не могла от него избавиться, и тем не менее не сильного, энергичного мужчины затмило все ее представления о любви, о взаимоотношениях мужчин и женщин? Две «сильных мужских рук» опрокинули ее сознание? Этот рассказ озаглавлен «Та и на», по всей видимости, это тайна девичего сердца.

События нового рассказа («Без черемухи» — «Молодая Гвардия») могли бы быть последствием той побудки инстинктивного влечения над сознанием девушки, которая, отмечена в рассказе «Тайна», их можно даже рассматривать как бы второй встречей девушки с неизвестным «в военной форме», если предположить, что он демоби-

лизов ался и стал ее товарищем по университету. Вот центральные положения этого рассказа:

Он — студент, он — вожак среди товарищей! У него серые глаза, красивые, но «звериные», блескущие, яркие, изящные, грубы, глупы. Она инстинктивно отвращается к нему. Но она ждет соответствия своему «внутреннему штештингу», от любви она имеет праздничности, ласковости и интимной близости.

Он резок и груб. Ему все равно, какая женщина, лишь бы женщина. Он открыто издевается над сантиментами, над ее желаниям «чертежи». Вот его поупошающие изречения: «Я всегда без черемухи, — ничего, не буду я выходить!» «Все равно это кончается одним и тем же: же и с черемухой и без черемухи!»

Девушка не может сопротивляться. «Я немножко ее», — это уловка, подчеркнуто отказывается от каких-либо уступок. Они расстались. Но вдруг девушка почтительно спросила, «что ей уже ничего не нужно, кроме того только, чтобы он был с ней».

Она сожалеет, что «трубо обрадован», не сделав никакого усилия для того, чтобы привлечь на него в хорошую сторону. Она идет к нему. С первой же минуты она знает, чем все кончится. Да и притом на лицо: он спешно вымывает записки на двери, чтобы никто не знал о том, что тут было. Или же его дразнят: «он явно спешит у спать!» А она усиленно и терпеливо ждет хотя минутной ласки, хоть какой-либо прикосновенности, которая вот сейчас совершилась.

Он удовлетворяет свою желание в заключении принципиально оправляет чужую ипостась.

А, ведь, эта девушка говорила о любви, как о слиянии с всем миром! Перенесите оставшуюся историю вперед. Прямо же любовь звучит ее письме подтверждением того, что пишется событие рассказа: единственный в жизни я сделала совсем не такое... «Я далека от сожалений о потерянной невинности, и тем более от угрюмостей советы за свое первое падение, но что-то есть, что гложет меня — неясно, смутно и неотъемлемо».

И, наконец, положение последнего рассказа: «Право на любовь» (*«Нов. Мир»*, кн. 7, 1926 г.):

Ей—27 лет. Она преподавательница на рабфаке. Скромная, правдивая, «целомуренная» девушка. Ее обесценивают: «мужчины не хотят ее сопровождать, ее считают бесполезной ценностью, это, а не что-нибудь другое, должно иметь право на любовь». Его она встретила в поэзии. Обычное начало — он надеется на легкий успех и быструю развязку. Однако, она протестует: «зачем веаде... только, только одна поплещь!» Ее спутник удовлетворен: «невидово (с чувством благородства) подумала о том, что она победила!». Провисают вторая и третья встреча... Он манипулирует, присосабливается к индивидуальному ладу — каждой женщине нужен индивидуальный лад — «степеримент» меняет на «степеримент». Философствует о любви, слушает ее притчи о победе светлого начала над темным, низменным, упрощенным». Она влюблена. История кончается письмом. Он пишет: «У нас с тобой ничего не выйдет... Твоя идеалистическая настроенность... убила всяких пле-чене... ум, сердце, правдивость, самотверженность... все это... совершенство не нужно мужчине, т.е. на него не действует... Мне стало... стыдно прикоснуться к тебе, как стыдно прикоснуться к родственнице. Современный мужчина является таким же, как борится привычками».

Правда, этот рассказ несколько выпадает из намеченной серии, несколько индивидуально его значение и сладковат ти его геронии. Но на фоне историй о соблазненных девушках его раз-

вязка воспринимается как иронический намек на то, что «неподдающимся» девушкам.

Итак, в среде современной молодежи П. Романов выделил такие типичные истории любви: обманутая девушка, девушка, увлеченная вопросом своим представлением, девушка, вступающая в связь с представителем крайних «современных» взглядов на любовь и получающая в награду полное разочарование и горечь, и, наконец, девушка, упорная в своих взглядах, но и не получившая права на любовь.

В чём их смысл?

В ЧЕМ ЖЕ единство всех этих рассказов? Основное в них то, что они проходят под общим стереотипом: так называемой любви и ограничения отвращения между мужчиной и девушкой лишь той физиологией. По крайней мере, мужское население рассказов неуклонно настаивает на этом (открыто или маскируя это безразличием), а девушка может быть каждым — своему ждут нежных, забытливых, товарищеских отношений, но и каждая из них уступает, создает свою позицию; если же это нет, мужчина проходит мимо нее, она брошена на одиночество и скучу. В сознании девушек, во всех ее переживаниях так начатая половина жизни осаждается горечью — она чувствует себя смигнутой и физически и духовно. Большое событие в жизни девушки в так сложившихся «новых отношениях» проходит без очарования: девушка переживает его как подпольное удовлетворение голого желания и страха.

Такова основная мысль этой серии рассказов, ее больше других оттеняет П. Романов.

Кто они и как это сопровождается?

ДЕВУШКИ, каких изображает Романов, далеки от тех называемых «классных» барышень, которые не стоят за откликающими формами психологии и физиологии привлекательности одной женщины одному мужчине, но тем не менее каждая из них требует любви как сердцевого увлечения, voice не покрывающей физиологической связью. Вот их признания:

«Для нас... женщины, любовь — это слияние со всем миром... А они, мужчины, не понимают этого».

«Во мне обида... потому что мужчина, не зная меня, все думы, все моих мыслей... подходит ко мне как к камке, совершенно независимо от смыслины или бесценности моей души... и т. д.

Вот это не очень удачно выражено и легко поддается рассеянанию при упорной противоположности взглядов мужчин. Современная девушка, которая не осталась удовлетворить любовного на первом же его требовании, нашла бы ее смыслины более крепким формулировку своим мыслям. Поэтому девушка Романова выглядит несколько отсталой...

Но зато мужчина во вскоре, он не хочет «разводить капитана», он противник всяких «сентиментов», он уверенно считает себя носителем единственно приемлемых и достойных взглядов для человека, освободившегося от всяких предрасудков...

Получается так, что девушка и ее партнер будто два разных мира, хотя несомненно такой подбор сделан намеренно — для контраста. Но как, же все, как могут создаться какие-либо отношения между людьми, настолько говорящими на разных языках? Нет ли здесь психологической переделки автора? Какими путями возникает «несчастная практика любви» для девушек, оживляющей противоположного? Оказывается, что девушка пассивны, их желания, их представления о любви, их первоначальная ненависть к мужчине, видящему в них лишь возможность удовлетворения своего хотения, не претворяются в действие. Они мимо сопротивляются, а на конец, поддаваясь, поддаются, поддаются, поддаются... Иногда это бывает раздражительны и изумляющие фильшико по отношению к себе, к своему сознанию, как, например, жаждет «чертежи» и обходится без нее ступней в рассказе «Без черемух».

Девушка не прыгала перед собой, она оказывается малодушной — это учитывает какую-либо ценность ее «идеальных» ожиданий от любви и делает бесцельными ее желания.

Все равно придет кто-то, и, если у него «сильные руки или же он «красивый мужчина», он добьется от нее «быстрого успеха». Влечения пола сильнее какой бы то ни было догмы.

Такой вывод напрашивается сам собой при анализе положений, которые зафиксировал П. Романов. Но типично ли изображенное, распространено ли оно, массовы ли такие явления среди молодежи? Сам автор устами своей геронии говорит следующее: «Все окружавшие меня сверстники смотрят на это иначе, чем я (т. е. сверстники смотрят «чертежи»), и я не имею в себе достаточного мужества поступать так, как я чувствую; а вследствие отсутствия (и, несомненно, автор пишет «ней») твердой уверенности в себе, преображение в любви и психологии и замены этих «пережитков» философии и полонии отношениями без каких-либо прикрас, которые овладели современным поколением».

Выходит так, что мужчины указанного типа распространеннейшее явление, они как бы обрели значение массового и неизбежного оправдания любви и счастья, и в этом смысле — это иначе, чем я (т. е. сверстники смотрят свободной любви). Молодежь разнудывается, краскаясь критикой и фразой. А девушка, возможно, действительно переживающие огрубление мужской половины молодежи? Оказывается, они будто последние, еще сопротивляющиеся остатки «добродетель», последние могикане любовных токий, — их захватывает разгульявшаяся стихия честережум.

ВСЕЛИВНОЕ У П. РОМАНОВА?

ТАК ЛИ ВСЕ ЭТО, как показал нам П. Романов? Все ли он увидел? Мы не задаем целиком задачу выяснить и выразить, что, дескать, все гордо благодородны и великодушны, что, дескать, весь город благоговеет и находит на молодежь. Мы знаем, что в среде молодежи часто очень болезненно и ненормально противостояние между девушкой и парнем, что «мажхов» цветут всякие уклоны — многочисленны действуют герой «быстро успеха», наряжаются в доспехи рыцарей нового бытия, сам же девушка стоит на распуты, она не вполне еще овладела духом экономической независимости, и поэтому неустойчивы ее желания и взгляды. И молодежь следует посмотреть в зеркало, которое показал ей П. Романов. Но ведь был же П. Романов там, что он не владеет ключом к созданию положительных типов, и к сожалению, хотя не обнаруживающих своих положительных вещей.

Изображенные ими типы? Но, кажется, они не очень близки к тенденциям нашего времени. Только неладное, только большое он показывает как неблагодарное и почти основное для «любовного движения» в любви.

Те противоречия, которые обнаружены в международными девушками и активистами мужчины, воспринимаются, как показывает П. Романов, как борьба белого с черным. На раду ограбившим и узко-материалистическим мужским девушка выглядывает как скользко-то пригладившись из-за частично сохранившегося в ней незримизма. Поэтому у автора происходит нарушение пропорций, отсутствуют сопоставления, которые твердо определяются бы значением и границами «уклонов». Так, например, во всех встречах девушек с мужчина у П. Романова совершаются отставания и уклонения в наших отношениях с партером. А ведь, даже в тех случаях, когда оно кладет свои отпечатки на лицо, лицо гравийной почты, неожиданно тот, который показывает. У Романова же они встречаются лишь как присущие положительные половые силы. Нет ни малейшего намека на то, что наша молодежь связана такими огромными и организующими явлениями, как трудовая солидарность. «Вопросы пола в жизни» находятся под огромным контролем классового, солидарности. Девушка и парень теперь встречаются не только на свиданиях поганью черемух, но и на работе, и это не может изменить их отношения. А ненормальное, жадное, инстинктивно-похотливое — все это не изжито ее, вследствие «отсутствия сдержанности», как где-то замечает Романов, а еще не изжито ее самим — по пресыщению нетрудовых классов. Все мы — не только «зомбики», но и члены строящего свою жизнь коллектива. И это различие не вполне уясняет автор «Вопросов пола».

РУССАНОВЫЙ БЫТ

Р. РОМАН, рисунки П. НИКОЛАЕВА

...принесите наших ребят, чтобы они лапали полежки...

ДИСКУССИЯ о новом быте, поднятая на страницах «Смены», все расширяется и расширяется. По слухам С. Смидович набила на руках мозги от одного только распечатывания очередных «писем комсомолки».

Желая притти на помощь старшему товарищу, некоторые письма я перехватил и вскрыл. Вот что это за письма!

Письмо 1-е

Многоуважаемый товарищ!

Вы в своем ответе комсомолке Лиде не прияли в расчет тех бешеных усеков науки и техники, которые неудержимо шагают и побеждают законы природы и дают надежду, что скоро не останется ни одного такового закона. В настоящее время, когда омолаживают 90-летних старцев, когда в Африку отправляется экспедиция, желающая получить помесь человека и обезьяны и когда известный комсомольский писатель тов. Веревкин летит на луну, смело говорить законам природы. Я лично надеюсь, что скоро наука избавит меня от восхищения женским полом и тем прекратит мои страдания и даже кошмары. Это письмо предлагаю препроводить комсомолке Лиде и показать всем ее пыкым друзьям. Пусть они берут пример с меня, который выдержанно дожидается победы науки и техники.

Кустарь-одиночка, но сочувствующий комсомолу

Иван Козявкин

Письмо 2-е

Дорогая С. Смидович!

Мне искренно жалко бедных мальчиков, пострадавших через несознательность комсомолки Лиды, которая, должно быть, просто маринованная селедка.

Пусть эти мальчики спишутся с нашей чайкой! (Управления треста «Красная

Подошва»), и они тогда убедятся, что наши «комсомолки» уже разрешили новобытный вопрос целиком и полностью.

Пусть обязательно спишутся.

Комсомолка Мария Брыкина

Письмо 3-е

Товарищи!

Вы разводите всякую теорию, а не даете практики. Например, неизвестно, можно ли любить сразу двух девочек, особенно, если позволяет темперамент, а тем более, что алименты как будто не предвидятся. Исправьте этот недостаток.

Константин Козырев

Письмо 4-е

Дорогая товарищи!

Я считаю, что весь разврат современной молодежи содержится в одежде, которая раздражает зрительные нервы и отвлекает от общественно-полезной деятельности. В самом деле, я, как и многие другие, не могу смотреть равнодушно на всякие декольте. А на основании вышеизложенного я предлагаю прекратить разврат в одежде, закрыв тело целиком и полностью. Этого даст возможность любить женщин не за их наружность, а за внутренность.

С приветом Егор Селихнович

Письмо 5-е

Ваше письмо пришло мне силы для смертельной борьбы. Я давно своему уроду говорила, что он должен образовать со мной семейную яичеку и быть одиличным. Однако, он оказался изменщиком и погубителем моей молодой жизни. Из злой разлучницы Катыка Кошкина демонически хочет над нашим семенным счастьем. Теперь, охраняя заветы социализма, я заставлю коварного обольстителя в наше переходное время уважать личность и достоинство несчастной страдальцы.

Я, как тень, проползу в ижний разрывчатый рай и обожгу распутную Катыкуну рожку свою мечью и купоросом.

Покинутая

Письмо 6-е

Спасибо вам. Я с вами вполне согласна. А то в нашем кине ребята черезquer ухаживают, так что уходишь вовсю с синяками и даже платье рвать. А это уже не любовь, а форменное разоренье. Так что припечатайте наших ребят и чтоб они лапали полежки.

С уважением София Птичина

Письмо 7-е

Тов. Смидович!

Я, как районный исполнитель N-ского участка, составил настоящий протокол, который препровождаю на ваше усмотрение, как касающий нового быта.

ПРОТОКОЛ № 1914

Мая, 7-го дня явилась гражданка Мария Петровна Брючкина, которая сообщила, что ее новобытный сожитель гр. Иван Сидорович Пинякин отказывается на основании письма С. Смидовича в журнале «Смена» от исполнения супружеских обязанностей, мотивируя это тем, что он еще слишком молод и не хочет губить свои молодые силы на половы проблемы. И на основании мотивировки изображает из себя недоступную скалу. Такая мотивировка не является только словесной, но переходит и в кулачные аргументы, в подтверждение чего упомянутый гражданин Брючкин предъявлены вещественные доказательства в виде трех синяков в области глаз и одного кровоподтека в области грудобрюшной преграды.

Районный исполнитель
Крутников

Я не хотел читать дальше. Я чувствовал, как какая-то мутная волна захлестывает мое сознание. Но взгляд мой упал еще на одно письмо:

Дорогая тов. Смидович!

Я не знаю, может быть, я слишком прост, только думал так: ежели ты настоящая пролетарская косточка, так в новом быте не запутаешься... Как надо любить? — Тут рецепт не придумашь. А надо помнить одно: не обижай товарища по классу, не подрывай силу работника. Класс — первое всего, ему в любви своей подчиняйся.

— Можно ли любить сразу двух девочек...

Может это я попросту, но только кажется, что верно.

Комсомолец Петр Сидоров (яичек завода «Пролетарий»).

Я облегчению вздохнул

— Верно, Петр Сидоров!

МЕТАНИЯ В ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ

Б. ГРОМОВ, снимки З. ЧЕБОТАЕВА и др.

В КРУГУ—ТОЛКАНИЕ ЯДРА: снимок очень верно показывает положение корпуса и плеча в начальной позиции толкания.

ВНИЗУ—МОМЕНТ ПРЫЖКА непосредственно перед самым выбросом ядра. Тело приобретает нужную имерцию.

В ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ мы различаем следующие виды метаний: метание диска, копья, толкание ядра, метание молота, веса и камня.

За последние годы у нас начинает широко культуризоваться метание мяча и ручной гранаты.

Последнее упражнение получает еще большую ценность, как упражнение утилитарного характера, имеющее большое значение для подготовки к Крайней трофеи. У нас еще до сих пор не выветрилось такое мнение, что-ли-метанием—это упражнение пустяковое, легкое (не то, что бег). Пометать диск, толкнуть ядро, это так приятно сделать между прочим и изредка.

А между тем метание—упражнение, требующее исключительно вдумчивой работы. Здесь же техника выполнения данного упражнения стоит на первом плане. Лишь хорошо заученная техника и регулярные занятия дают хорошие результаты в метаниях. Тренируясь в метаниях, следует давать нагрузку не на одну лишь сильнейшую руку, но и на обе. Это последнее время все чаще читают о соревнованиях, где одна рука метает дальше, чем другая (сумма) обеих рук. При тренировках в метаниях очень важно не перегружаться. Здесь это заметить значительно труднее, чем в беге, где мы скоро почувствуем, как первые симптомы—усталость, вязость и утомление. В метаниях это обнаружится не сразу, но даст себя почувствовать впоследствии. В начале тренировки разучивайте все метания с места (без разбега или поворота), и лишь привыкнув к правильному рывку, изучайте поворот, корднины, рулет (согласовывайте) все движения.

Нормальное ядро имеет вес 7,25 кило и толкается из круга, имеющего диаметр в 2 м, 13 см.

Толчок считается выполненным, если участник непосредственно вслед за броском вышел из круга, не заступив его какой-либо частью своего тела. Хороший бросок зависит от трех основных причин: от данной участником ско-

росты, угла полета и высоты его. Сумма всех этих трех причин даст хороший результат.

Толкание ядра производится следующим образом: встав в исходное положение, т.е. когда участник находится в задней части круга, прислонив к ней правую ступню, метатель опускает всю тяжесть тела на согнутую правую ногу и начинает раскачиваться взад и вперед всем телом (обязательно вправо) и направлением метания. При этом поднимается левая нога вверх в точку нахождения центра тяжести тела на правой ноге. Основная цель этих подголовочных движений заключается в том, чтобы вывести тело из состояния покоя, а также способствовать накоплению энергии и силы. Поэтому эти движения должны быть легкими, свободными, ритмичными; на их выполнение должно затрачиваться минимум энергии.

Когда метатель наилучше подготовлен в смысле энергии, силы и воли, тогда совершается переход в первый прыжок.

Метатель заносит левую ногу назад, за правую, и оттуда производят ее размах, с целью дать толку рывком вперед, что увеличит быстроту выполнения прыжка. Правая нога должна быть сильно отталкивается от земли. Прыжок производится так, чтобы правая нога атлета попала в центр круга, а левая оказывается на переносице в задней части круга, слегка влево. Прыжение происходит одновременно обеими ногами. Прыжок не должен быть высоким, не выше 20—25 см от земли. Ноги, как бы скользя, сидят над землей, а не пригуют.

руки поворачиваются внутрь пальцами и ладонью наружу. Метатель держится на носке правой ноги, левая поднята вверх для сохранения равновесия. Между прыжком и моментом толкания не должно быть длительной паузы, ибо она уничтожит всю имерцию и сделает последнее движение к толканию ядра с мета-

тации ядра—одно из красивейших легкоатлетических упражнений и вместе с тем одно из древнейших. Еще в древней Греции на знаменитых олимпийских играх метание диска входило в программу празднеств. Современный диск имеет плоскую, слегка выпуклую форму, диаметром в 22 см, и весом $2\frac{1}{2}$ кг.

Метание производится из круга, диаметром в $2\frac{1}{2}$ метра. Существует несколько способов метания диска. Здесь мы опишем наиболее удобительный—так наз. финский стиль.

Диск надо держать на самых концах четырех пальцев (фалангах). Большой палец не заходит за край диска. Диск лежит плоско на ладони руки с расстояньями между указательным пальцем. Время пребывания диска на руке неизвестно, но оно не превышает по часовой стереде.

Дискофол становится у задней стороны круга, в профиль к движению диска, расставив ноги на ширине плеч. Центр тяжести тела расположжен на правой ноге, стоящей на диаметре круга и слегка согнутой в колене. Левая нога поставлена на одну линию с правой ногой, и она находится на носке. Корпус метателя прогнут в пояснице в сторону противоположной метания.

Рука с диском вытянута вдоль бедра, левая

СХЕМА МЕТАНИЯ ДИСКА: здесь изображены последовательные движения метателя. В кружке справа—следы ступней ног метателя в кругу.

же в горизонтальном направлении, в стойку броска.

Производятся подготовительные движения: метатель поднимает руку с диском над головой, при чем диск поддерживается пальцами другой руки, главным образом, большим. Из верхнего положения диск идет книзу и дальше вверх. В момент нахождения диска над головой, тяжесть тела метателя переносится на левую ногу и наоборот. Из положения, когда рука с диском отведена назад, производится поворот. Метатель отрывается от земли правую ногу, выдигаетперед и вправо, вынужденный поворотом. Рука с диском идет полукругом сверху вниз. Второй шаг делается на правой ноге. Рука с диском идет вправо ноге, делается шаг вперед. Левая рука полусогнута на уровне плеча, а правая с диском идет по дуге снизу вверх. В тот момент, когда метатель окажется в передней половине круга, производится бросок: рывком корпуса, плеча, а вслед за тем и руки с диском. Бедро правой ноги при этом выносится вперед, а тяжесть тела падает на левую ногу. Первый поворот делается за счет сгибания правой ноги. Второй поворот выполняется отрыванием с указательного пальца, под углом в 45° к земле. Тренировки диска можно четыре раза в неделю, деяя каждый раз не большие 10 бросков.

М е т а н и е к олья производится не из круга, а с прямого разбега, ограниченного попечечной чертой, за которую переступать нельзя.

Копье имеет длину 2 мт. 60 см. и весит 800 грамм, состоит из двух частей—железистого наконечника и древка, который плотно заходит в наконечник и заполняет все его пустоты. Наконечник имеет длину в 40 см. и вес 250 грамм. Центр тяжести копья лежит на расстоянии 100 сант. от переднего конца, первоначальная же обмотка занимает пространство в 15 см. от центра тяжести к наконечнику.

Наиболее употребительный способ держания копья следующий: копье кладут на ладонь правой или левой руки. У заднего конца обмотки копье обхватывают большим и указательным пальцами. Остальные пальцы кладут на обмотку сверху, при чем мизинец сгибается и становится кончиком на ладонь. Разбег берется от 15 до 20 метров. При этом разбег будет ускоряться, с максимальной быстротой на последних шагах.

Для тренировки хорошо упражняться с мальм разбегом, где обращается особое внимание на правильное исполнение трех последних шагов перед планкой и согласование движений рук и ног.

Для этого метатель отходит на расстояние шести метров от планки и становится в положение, где копье находится над плечом у уха, локоть—вперед и вправо, задний конец копья на конечности приподнят вверх, выше головы, на конечности—выше подбородка. Первый шаг делается той ногой, при этом рука с копьем отходит назад, задний конец его опускается и копье принимает горизонтальное положение. Следующий шаг будет правым: рука отходит под ладонь назад, копье одновременно изгибаются вправо, задний конец копья еще ниже опускается, так что остряе находится у самого подбородка, левая рука согнута в локте, располагается поперек груди. Третий шаг совершается левая нога несколько влево сторону, при этом корпус метателя окончательно повернут и наклонен в правую сторону; правая рука вытягивается с вывернутой вверх ладонью. Вслед за этим корпус совершает резкий поворот, ставя правую ногу вперед, а наконечник копья сильно прогнута, тяжесть тела на левой ноге. Рука с копьем ложком вперед и проходит над головой, правая нога выносится вперед и сильным ударом опускается вниз. Во время выноса этой ноги и производится рывок корпусом,

МЕТАНИЕ МЯЧА начинается круговым движением мяча на вытянутой руке, а самим приемом получается при полном круговом повороте

ТРИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ МОМЕНТА метания копья: 1—начало разбега; 2—поворот тела перед выбросом копья; 3—бросок. При переходе к нему сила руки должна быть усиlena импульсом разбега.

а вслед за этим и метание. Копье должно обязательно быть выпущено над головой, без отставания ни вправо, ни влево стороны. Когда промахивается, то это значит, что копье не в направлении, в котором надо было бросать.

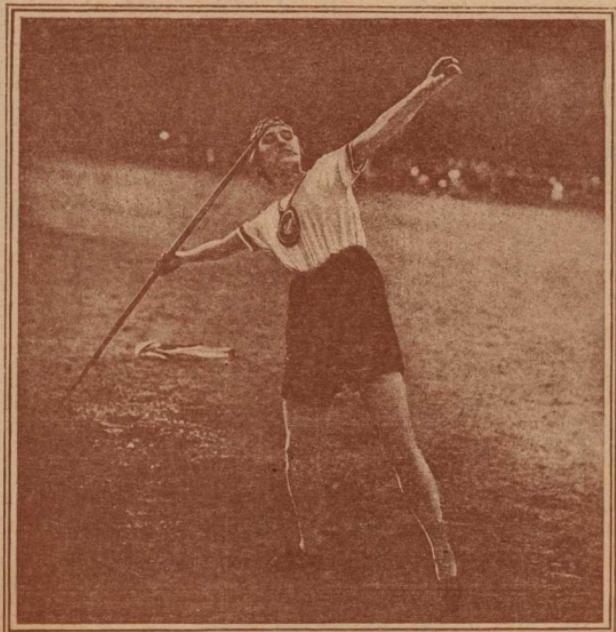
При метании копья рекордные результаты до 8—9 метров достигаются с полной силой, когда копье слетает с руки, но, так как это опасно, к копью следует внимательно относиться.

М е т а н и е гранаты производится с помощью руки. Длина гранаты—около 650 грамм. Техника метания гранаты очень похожа на бросание камня.

Участник, как и при метании гранаты с ручкой, держит гранату в руке, в составе ладони и пальцев, как бы ее не выбросить, и метает ее вперед, вправо руку с крепко зажатой гранатой назад и книзу.

На 3 метра до планки метатель выбрасывает гранату так же, как обыкновенный браслет. Граната соревновательная весом около 650 грамм. Техника метания гранаты очень похожа на бросание камня.

При состязаниях воинской техники гранатами на дальность, на точность метания в цель, на точность попадания в различные положения

МЕТАНИЕ КОЛЬЯ С МЕСТА—снимок показывает исходное положение: левая рука вытянута вперед и служит противовесом.

ФУТБОЛЬНАЯ ОБЕДНЯ

Н. КАРАСЕВ, рисунок К. УРБЕТИС

подзатыльник

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Н. КАРАСЕВ

На приемных экзаменах в нузы выяснилось, что многие товарищишли не подготовившись, на ура!

(Из газет)

— А этот Федик циничный парень, Чем?

— На все вопросы отвечал молчанием.

— В чем же ценность?

— А «молчание же—золото».

И что это за экзамен! Придираются, издеваются. За что боролись?

— В какое заведение держжал?

— В то самое... как его... чорт, забыл. Ну, да не все ли равно!..

— К экзамену подготовлялся?

— Подготовлялся.

— Кое-как?

— Кое-как.

— На авоську?

— На авоську.

— На вопросы молчал?

— Молчал.

— Так что ж ты кричишь?

— Дым, как же ты кричишь, ведь, провалился я же! За что боролись?

— Так ты ж к экзамену-то подготовился?

— Подготовился.

— Кое-как?

— Кое-как.

— На авоську?

— На авоську.

— На вопросы молчал?

— Молчал.

— Так что ж ты кричишь?

— Дым, ведь, провалился же я,

как же ты кричишь.

— Но ты подготовлялся?

— Ну, подготовлялся.

— Кое-как? На авоську?

— (Можно продолжать без конца).

— Н-да, действительно, у размыть шины. На себе испытал.

— То есть как?

— Все отвечал ничего, а как спросил о Розе Люксембург—тут я и изнапоролся.

Студент экзаменуется у придиличного профессора.

— Как вы поступите, если вам нужно, чтобы больной пропотел.

— Да ему потогонное, напр., мадрин.

— Ну, а если это не подействует?

— Я прибегну тогда к помощи летучих масел эфира...

— А если этого будет недостаточно?

— Посоветую больному лечь и укрыться несколькими одеялами и пальто.

— И если все-таки не будет действовать?

Студент вытирает крупные капли пота.

— Попробуй применить рутинные препараты...

— А если и это не поможет?

— Попало больного к нам заменяться.

— Тебе, господи!.. Увидев, мима ААА заслонил глаза. Павлинский радостно загородил:

— Отвечай вратарю для него...

— ААА печально пропела:

— Остави нам прогревания на...

— Ты, господи, нежный юнец, падший от чьей-то ноги удара в лицо, извинялся:

— Спаси, господи, люди твои, — я чувствую грохнулся на землю Павлинский подбежал к нему и тронул его за запястья:

— А-а-а, попиц-з-ие... Но, опять что уставил крахм и дрожал за скользу, медленно поднимаясь, весело зириняруя сам себе руками, восхликал:

— Воскресение твое...

Белобрысый юнец, продолжая играть, замахивая среди «молниек» прыгавшими между женскими лицами и твердил:

— Не виши мяя во искущении...

Не побегая мимо нее и увидев, что пробегла мимо нее и увидев, что пробегла мимо нее и увидев, разомкнувшись, вылезает:

— Но избани мяя от лукавого.

В этот момент мяя удалился в складу отцу Павлинкино так, что слезы брызнули из глаз. Отец Павлинкин от боли забрался в белком и, простонал:

— Блаженны плачущие, яко ти утешатся.

Игра заканчивалась в пользу команды ОО. Отец Павлинкин торжественно поднял над склонившимися головами победителей руки и зарыдал:

— Яко твое есть сила и слава, и приноси во веки веков...

— Яко твое есть сила и слава, — кором отозвались команды.

Футбольная обедня кончилась.